

Шуховская башня в Краснодаре. Фото Ивана Карасева

Шуховская башня

Шуховская башня в Краснодаре (Рашпильная башня) – визитная карточка кубанской столицы – стальная ажурная гиперболоидная конструкция, сетчатая водонапорная башня. Построена в 1929-32 гг. по проекту инженера Владимира Шухова.

Шухов изобрел способ устройства сетчатых гиперболоидных башен (патент Российской империи № 1896 от 12 марта 1899 г., заявлен 11 января 1896 г.). Первая в мире гиперболоидная башня была построена Шуховым на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.

Принцип устройства гиперболоидных башен Шухов использовал в сотнях сооружений: водонапорных башнях, опорах линий электропередач, мачтах военных кораблей. Новые гиперболоидные башни, соответствующие его патенту, сегодня построены в Японии (Kobe Port Tower), Швейцарии (Цюрих) и Испании (аэропорт Барселоны).

В 90-е годы бак для воды сняли и на башню установили рекламные щиты.

С недавних пор Шуховская башня стала частью торгового центра «Галерея» (на пересечении улиц В. Головатого и Рашпилевской). Под ней расположится ресторанный дворик. Таким образом достопримечательность с трех сторон закрыта от просмотра.

Обложка этого номера нашего журнала оформлена работой Валерии Полеевой «Казачьи думки».

Rkapl:
21 harfehr
2009 uru
Выходит с
21 декабря
2009 года

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ: КУБАНСКАЯ БАЛАЧКА.
ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ИВАН КАРАСЕВ :
ВИДМЕДЬ МИТРОФАН ДИКАРЁВ: САЛДАТ И
МЭРТВЯКЫ СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО:
ВЕЛОСИПЕД АНДРЕЙ РУДЕНКО: СТРАЗЫ
СТАНИСЛАВ КОСТЕНКО: КОДЫ ТО ИГОРЬ
ЯСИНСКИЙ: ВАМПАЧКА А. ЛЯХ:
КУМ СПЭЧЭННЫЙ С САЛОМ И
ГОРИЛКОЙ

asa#193 знание

ALOEGNABR | ЖУРНАЛ СКОРОМЫСЛИЯ НА ЯЗЫКЕ АРАХАУ

«Степь и станица – начало начал. К парню прижалась дивчина-казачка: – Хиба ж ты не чуяв, як пивень кричав? Вплетається в русскую мову балачка».

Анатолий Знаменский, «Здравствуй, Кубань!»

Гимн Кубани на языке Арахау

Народная песня «Ты, Кубань, Ты наша Родина» (принята, как гимн Краснодарского края кубанским парламентом 24 марта 1995 года). написана в 1914 году на русско-турецком фронте. Она была посвящена казакам 1-го Кавказского казачьего полка в память о боевой славе в годы Первой мировой войны. Автор слов – полковой священник Константин Образцов.

Текст песни написан в виде приветственного послания, коллективного письма на Кубань. Казаки вспоминают «про станицы вольные, про родной отцовский дом» и бьются насмерть с «врагом-басурманином», чтоб жила их святая родина.

Сначала песня исполнялась в небольшом кругу фронтовиков. Через год-два ее запели все кубанские подразделения действующей армии. В период гражданской войны она была официальным гимном Кубанской рады и Кубанской народной республики. И в годы Великой Отечественной песня поднимала боевой дух казаков и вместе с ними прошла победный путь от берегов Кубани до Эльбы.

Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь.
Из далеких стран полуденных,
Из заморской стороны
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Песню дружно мы поем
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

SusKuban, susedett,
Ttazgurs!
Zü, zö,
Süspaklacaka.
Saadgobrera,
Ttesbraköh, gada,
Plelegadlagökl,
Plödl.
Ttarasbazar,
Cottassarnoh
Da'staanic'nala,
Dfagadagabad.
Ttarkazalkorrogaraif,
Cottassarnorrajgada.
Cottassarnoh,
Dolélsoh,
Doloismak?
Hotuozn
Ttahzesbrakö,
Hotoh, Kubangada,
Hoilstogois
Dlaalejgoz.

asa#19 знание спецвыпуск

На обложке: работа Валерия Полевого «Казачьи думки».

Кереibr (Автор идеи)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Ihorо Ahiniro (Игорь Васильев)

Küzau (Верстка)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Ihorо Ahiniro (Игорь Ясинский)

Assagese (Творческий совет)

Oharo Ehinarо (Ольга Веснина)

Ahaniharo Ohonyeharо (Наталья Лободырева)

Aherо Uhanoro (Павел Уваров)

Ответственный за спецвыпуск - Игорь Васильев

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.

Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.

E-mail: rbardalzo@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.arahau.ucoz.ru

Журнал издается на пожертвования Сообщества Арахау.

Печать цифровая.

Тираж ограниченный

г. Краснодар, сентябрь, 2015, #19

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, Краснодар
Кубанская балачка.

Письменная традиция

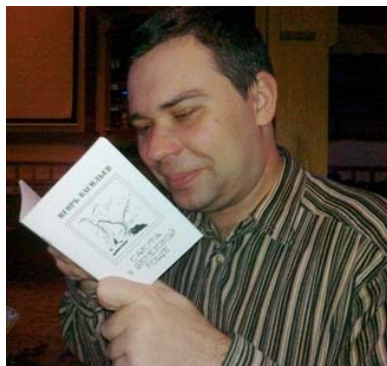
Кубанская балачка – диалект русского языка с украинской языковой основой. Лексика балачки – как украинская, так и русская. Большое число слов из лексического фонда балачки характерны и для нее, и для украинских, и для южнорусских говоров. К тому же лексический фонд балачки крайне подвижен и неустойчив. Один и тот же носитель диалекта может в разных случаях (и даже во время одной и той же беседы) использовать разные слова. Различен уровень владения балачкой и у различных носителей диалекта. Близость балачки к украинскому языку неодинакова на разных территориях бытования. В Приазовье она значительно выше, в Закубанье – зачастую ниже. Хотя уровень развития балачки нередко зависит от конкретного населенного пункта или конкретного человека. Так, одна из самых известных носителей балачки – Людмила Пащенко (руководитель этнокультурного общества «Скрыня саратовской казачки») родом из закубанской станицы Саратовской.

Зачастую определить принадлежность балачки к русскому или украинскому языку затруднительно, во многом по причине текучести и неоднородности. Поэтому принадлежность балачки определяется на основе самосознания носителей диалекта, а оно однозначно является русским. К этим выводам пришли такие известные диалектологи, как С.А. Мызников и О.Г. Борисова. Балачка сформировалась в последней четверти XIX в. после массовой миграции великороссов на территории, ранее заселенные кубанскими малороссами, что происходило одновременно с быстрым развитием на Кубани русскоязычного образования. Все это шло на фоне быстрого экономического роста местной промышленности, а также сельского хозяйства и сопровождалось быстрым расширением сферы бытования русского языка, русскоязычного документооборота.

Эти процессы происходили на фоне этнизации кубанского казачества, формирования субэтнуса кубанских казаков. В развитии балачки последней четверти XIX – первой четверти XX вв. проявились две взаимосвязанные тенденции – обрусение и формирование особого «кубанского языка». Уже в период так называемой украинизации в 1926 г. публично раздавались призывы изучать кубанский язык, а не украинский.

Однако уровень этнизации кубанского казачества не получил дальнейшего импульса и в течении XX столетия колебался между субэтносом, этнографической группой и снова субэтносом. Балачка осталась диалектом и пошла по пути дальнейшей русификации.

Однако в наследство от времен этнизации у балачки сохранился статус письменного диалекта. Еще в дореволюционный период, в начале XX в. на балачке создавались стихотворные и прозаические тексты (А. Пивень, И. Косиненко), агитационные листовки (антиправительственная листовка Революцион-

Нарижтэ сальцэ тонэсэнкымы ломтичкамы, нэ сошкрибая силь, давлэнный часнычок и чорный пэрчик. Выложить ци кусочки на наризаний (другым ножком), кумом хлиб. Звэрху покладить пэтрушечку и укрпчик и займьтсья чысткой молодого часнычка. Кум нэхай рижэ помадорчыкы и огирочки, мелко нэ трэба, на дви части и хватэ... ище хай посыпэ силью. Рыдыску так як вона пуста, кыньтэ Сиркови.

Начинайтэ готовку вышеозначенного главного ынгрыдиента.

Розльв по нэполному (по рисочку) стакану холоднэсэнкой горилочки из запотевшей чэвэрты, заткнить ии кукурузянным качаном, и нэ давая открыть куму рота, скажыть свий любымый тост: « Шобы йилось и пылось, щоб хотилось и моглось!», чокнувшись з кумом, опрокыньте содержимое стакана соби у горло. Зразу нэ закусойтэ, хочь и пэчэ, почикайтэ покы кум цидэ скрызь зубы горилку, або жэрты полэрэд гостя, нэвдобно. Потим, заразом с кумом, стэпэнно съижте прыготовлэнный «гамбургэр», хотя Ваш тэсть на його каже «кубаньбургер». Выкурить по цыгарки, попутно збрэхав парочку анэкдотив – розльйтэ по другий.

Пид тост кума (нэ важно якый), опрокыньтэ стакан по раннее означенной схэми, закусьте огирочком, лучком або помадорчыком, кума можно нэ чикать покы вин цидэ.

Як шо куму прыспичило до нужныку, закурьтэ, а замытыв шо кум загружен проблэмамы, кыньтэ Сиркови кусок хлиба и остававшуюся на салови шкурку ... и налывайтэ

Выпыв трэтий святыт тост, за тих кого нэма, помыная батькыв, (в кого помэрлы), дидив, бабушок и седняшнего прэдсэдателя колхоза, закусьте цыгаркамы и налыйтэ по чэвэртой.

Выпыйтэ... и поочэрэди поцилував Сирка, одвяжыть його, хай побигае, качок потопче... Закурьв побалакайтэ, чога у Вас в цему годи, нэ будэ мэду. Зробыв вывод, шо бджелы подохлы вид сахарю, якый тэща чимсь отроила, бо, думала, шо вы будэдэтэ бражку нэвыгнану жэрты.... налывайтэ по пъятой Ваш кум, закусьв нэ наризаным салом, пэрэд тим як выпыть, остатний кусок кынув Сирку, а Вы заив падлюшной нэдозрилой жэрдэлей, довжни затянуть писню «Прощай ты Уманьска станыця...» Сирко выводэ трэтым голосом....

Выпывайтэ « На коня» по шостому стакану, плыснув остаткы собакови.

Всэ, блюдо готово, Кум спикся...

Пидишэдьши, пид очэрэдну писню, жинка с кумою, подают вам троим дэсэрт.

Ынгрыдиенты:

Кум с пачкой «Прымы» и сирныкамы

Вы з овочамы и сапэткой

Нэ дуже злыи собака

Чэвэртына пляшка горилкы

Сальца кусочок с коровий носочок

На дэсэрт жинка з кумою.

forum.fstanitsa.ru

А. ЛЯХ, ст. Уманская

Кум спэчэнный с салом и горилкой

Литом, покы жинка, рачки, бурякы колхозни полэ, по телехвону погукайтэ сво-го кума, прэджварительно убидывшись, шо кума уйихала в станицю с хрэсны-цею чобиткы купувать на осинь (колы вона ще будэ, та осинь), и прыгласыть його до сэбэ у садочок покурыть, ще трэба сказать, щоб вин zarazом узав пачку «Прымы» и сирныкы.

Як выкурытэ по дви цыгаркы, Вы, як-бы нэвзначай, прыдложитэ кумови пэрэ-кусыть (вин зроду нэ откажеться, хочь и зранку, вжэ снидав). Дэмонстративно видчиняйтэ холодильник, одын хрэн там ничего нэма, но обязательно, щоб кум цэ побачив. Так як вин вже пустыв сплону(як индык сок на жаровни), ска-жить, щоб вин нэ журывся, а сбигав до дому и прихватыв чэтвэртну пляшку горилкы, ту, шо кума вчора у вашой жинци позычила, щоб седни повычерять и обмыть станыччи покупкы. Дополнительно сообщите, шо сами бачилы як вона, т.е. кума, тую пляшку у колодязь спустила. Но кажитэ так, щоб кум нэ чувствовав сэбэ, як собака нэ в своей шури, зробитэ выд шо вы думаетэ,шо, кума пляшку спустила нахолонуть, а нэ тэ, щоб вид кума заховатэ. Сами нэ забудьтэ, дать йому ще сапэтку, бо ему, мабудь, нэ вдобно будэ горилку в руках нэсты, сапэтку дайтэ побильше, лучышишь видерну, бо зная свого кума, вы нэ единожды убеждались шо вин, ще шо нэбудь с дому прихватэ...

Вы ж, скорийш бижитэ на грядку, зирвить чотыри бурих помадора, вырвить шисть рыдысын, нарвить пырцив зэлэной молодой цыбульки, пэтрушечки, укрупчику, часнычку та пару огирочкив... Картоплю не пидрываитэ, сыру йии вы жэрты нэ станэтэ, а варыть николы, та й кум може подуматэ, шо вы пры-нэслы тую бульбу щоб похвастатэ. Нэ портитэ йому настроение...

Вэрнувшись у садок трэба вытэрти овочи ... кстати пидийде жинкин халат развшанный сушытысь с другой стиркою...

Првьязжитэ до будкы свого собаку «Сирка», бо вин можэ пойисты прыготов-лэнни овочи.Пидтянитэ пид жердэлю старый вулык с повыздыхавшымы зи-мой бджеламы, и на його крышци разложитэ овочи. Поставтэ гранчатни ста-каны на дви пэрсоны, постэлитэ газету «Степные зори» (бэз программы), ту шо кума вчора забула, прэджварительно одирвав половыну страныць и однэ-ситэ остатни страныци у нужнык, може кум схочэ... Бо бумагы там сроду нэ бувае, одрывный калэндарь коньчився (новый позапрошлогодьний, их сын пять штук з Ростова привиз, накрав мабудь...), а лопухы вы позавчора повы-косылы... Дали, сядьтэ у холодочку и чикайтэ кума...

Чэрэз пив часа прыйдэ вспотивший кум. Нэ спишитэ распытуватэ його, шо вин прэнис, дайтэ йому рыдысыну хай макае в силь и йисть, а сами закурыть цыгарку попутно зробыв выд шо пэрэтыраетэ стаканы...Прывстаньтэ, як бы похыльнувшись нэ нарочком зачипитэ сапэтку... В ответ на рэплыку кума: «Дывысь пид ногы...», отвичайтэ: «А ты якого хера порасставляв всэ доли, шо тоби на вулыку миста мало?»

Писля таких ласкавих рэчэй можно выставляты продукты.

В пэрву очэрэдь достаньтэ прынэсэнногo салыца кусочок (с коровий носочок). Зразу зрижете половыну шукуркы и кыньтэ своему собаки, щоб Сирко нэ скиг-лыв, вин до цего вже проковтнув, недойжену кумом, пусту рыдысыну.

ной украинской партии (РУП), 1905 г.). В период гражданской войны создава-лись официальные документы (Приговор №7 станичного схода станицы Ста-ронижестеблиевской, 1919 г.), эпиграфика (надпись в память генерала Мар-кова, составленная в 1919 году жителями хутора Шкуринского).

Памятники на балачке не являются текстами нормативного литературного языка. Например, в них «плавающий» лексический состав, даже в одном тек-сте, в одном и том же значении могли употребляться различные слова. По мнению диалектолога О.Г. Борисовой, письменная балачка ближе всего к т.н. «малограмотному» или «наивному» письму.

Обычно, авторы, работавшие с балачкой, старались воспроизводить народ-ную речь, как это делал А. Пивень. Однако, как и во многих недосформиро-вавшихся языках или диалектах, тексты на балачке могут различаться в зави-симости от авторов; появляются «авторские версии» диалекта, создаваемые филологами и писателями. Именно такой версией является балачка совре-менного кубанских писателей А. Руденко и С. Костенко. И до революции, и в наше время создаются произведения на литературном русском языке, в кото-рые вставлены диалоги и прямая речь на балачке (Н. Канивецкий, И. Коси-нов, Ф. Деревянко).

Существует мнение, что письменных диалектов нет, потому что быть не мо-жет. Диалекты могут быть только бесписьменными. При этом ссылаются на корифея отечественной этнолингвистики Н.И. Толстого и др. В целом это мнение верно для большинства диалектов. Но абсолютных теорий в совре-менной гуманитарной науке не существует. В ней на сегодняшний день фено-менология явно преобладает над типологией. Например, существуют различ-ные переходные формы между «идеальными типами» языка и диалекта. По-тому одни из самых обоснованных теорий подразумевают массу исключений. И балачка – одно из них., что подтверждают конкретные факты.

Песня закубанца

(Относится к восстанию Урупского полка во время первой Русской революции, записывал И. Косиненко, станица Ключевая)

Пісня закубанця.

Не гнівайся на нас Царю / Не всі вінуваті, / Що меж нами обявілись / Зраднікі прокляті. / На все війско п'ятно черне / Вони положили / И кубанців честне имня / Соромом покрыли / Клянемося своей кров'яю / Оце п'ятно змыты / Щоб Твою пріязнь и ласку / Знову заслужыты»

Эпиграфическая надпись

29 января 1919 года жители хутора Шкуринского решили назвать свой хутор в честь белого генерала Маркова Шкурино-Марковским. И поставили памятник с надписью: «Нызабуваемому нами старому козакови Генералу Маркову, який в минуты гнета на нас со стороны большевиков прыйшов од ых спасти». Памятник не поставили, но текст составили*.

*ГАКК. Ф. 583. Оп. 3. Д. 12. Л. 780–781.

мы годють. У повноч отчинылысь у хату двэры та бабка йихня заходыть, яка вмэрла ужэ!

Подойшла до кровати, братыв кодрой укрыла, а сама пойшла у хатэ прыбыраться. К утру разв'язалась та смандрувалась до сэбэ, у могылу. Лэжать браты, острах йих узяв... Коды очяпалысь, шарпанулы до станычной вержы, спытать, як бабку свою утыхомырыть. Вона йим и повэдала: натрушуйтэ кругом хаты стики солы, скикы у вас е. Коды бабка ваша опять до вас прыйдэмэ, то вона спынытсьямэ, шоб кажну мажисытку солы слычить. А вы из хаты плазуйтэ та вкругаля быжитэ до гробкыв. Там, дэ могыла бабки вашэй, вам поробно вырыть ямки у оцых мыстынах, дэ кэбэта, руки та дрыгы бабки вашэй. Туды натрушуйтэ вашу послэдно соль та у хату вэртайтэсь. Бабка до утру кажну мажисытку слычить нэ успьемэ. До своей могылы пойдэмэ, ляжить та утыхомырытсьямэ. Так браты и сробылы. Уноч черэз окно сплазали та усэ, шо от вержы слухалы, сробылы. И бильшэ йих бабка у хатэ нэкоды нэ заявлялась».

Закончив свою казку Юхым, а Сашко говорыть:

– Начорта такы казкы талалаять, дэ остраху доката? Повэдав бы яку добру бувальщину, бэз чортовщины. Но нэ, ты бэз оцэго нэяк...

А Юхым йому говорыть:

– Оцэ я сгодыв, як ты лонис у станыцэ казывав нам, яка твоя покойна бабка чудна була.

Нэможно, Сашко, над вмэршыми дороганямы кптытьсья... А то прыйдэмэ до тэбэ бабка твоя, як до тэх братыв та почнэмэ сказытьсья. Оця бувальщина – тэбэ урок.

Уси зарэготалы. Тут и Юрко заговорыв:

– Бэзсумлывно, братцы, почивать час. На новый дэнь пойдэмэм за Кубань та визнаемэм, як там у ардюкыв. Лягайтэ.

Заспокойтэсь! Угомонилысь козаки, хмыл сгасылы та поляглы.

СТАНИСЛАВ КОСТЕНКО, Краснодар

Коды то

(Отрывок)

Коды то, у дужэ давнишных годах, ище коды трохи хто с козаков маив бажанна витать у Зэмлях Кубанских, ище коды тэ зэмлы блазнылись нашим прэдкам дыкымы, ище коды помэж козакамы та ардюкамы люпки нэ було, стряслась водна интэрэсна прыгода.

Смандрувалысь як-то тры козака-глэка, Сашко, Юрко та Юхым, полынуть у черкасский гай, шо по другу сторону Кубани-рэчкы, до ардюкыв. Забажалоць козакам вызнать якы у людэй у тэх зэмлях звычайи, як воны там живут, як баштакыв воны встрычають. Атож тэпэрыча можно, затэм шо оцы зэмли государским наказом государя Росыйского е Кубань родна. А родну зэмлю поробно знать до остатного дрэва.

Прыйшлы козаки до бэрэгу Кубани-рэчкы. Час ужэ позный був, ужэ смэркаться стало. Годи пэрэстрывать та стан вкопувать. Хоть и нэ бачилы козаки нэякой хмары у том, шоб лынуть до черкасыв зарас, но лучче погодыть до утру. Вдосвэта дослэдовать зэмлю ардюкыв будэмэ набогато лыпшэ.

Вкопувалы козаки стан, повэчерялы мандривачной пэрэпычкой, сбылысь докупы навколо богатыцы та почалы вытрындыкувать: гарны пэсны спывалы та казкы талалаялы. Копотко часы йшлы, а козаки усэ спывалы та талалаялы, покы нэ захотэлось козакам лягать, и Юхым почав талалаять послэдную казку на ноняшню ноч:

«Ну тэпэрыча послухайтэ, хлопцы, одну интэрэсну бувальщину, яку мэнэ моя бабка смалку казывала.

Коды то у одной малой станыцэ жилы два брата с бабкой. Спалы на комыши, убого жилы. Бабка своих дытэй мылувала. Тики стара була. Выпав коды-то такой случай. Пойшла базарювать та дытэй тож узяла.

От йдуть воны по кладкэ черэз рэчку, а там свыня нэ звэсно видкиль выгасала. Хрюкает, рыкает, очамы искрыть... А рыло у нэй, як лыцэ людско, тики пятак свынячий замэсто кырпы.

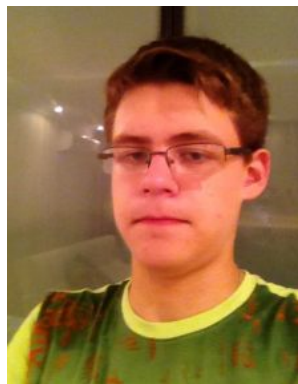
Бабка нэ стушувалась. Як гаркнэть: йды видсиль, тварына така! Та ище тычиной посварылась. Свыня, бэзсумльвно, слынула, но помрыялось братам, шо людским голосом тыхо казала бабкэ: На сэбэ подывысь, хрычина стара...

Нэякой хмары у оцэм братам нэ сбачилось, спогадалы, шо тики помрыялось, та пойшлы сэбэ, куды сбыралысь...

Так и жилы, а тики прыйшов час вмэрать бабкэ. Ну от и вмэрла... Станычныы братам подсобылы панахыду провэсты. Почалы браты самы жить. Тэпэрыча базарювать самы ходылы, дэньгы заробывалы.

Но почалысь послэ смэрты бабки чудны случаи: ляжуть браты ночью почивать, а у хатэ нэ прыбрано. Встають сранку, а у хатэ чепурысто усэ, навродэ хто-то тут прыбрався...

Так и на утору ноч послэ смэрты стряслось. А на трэттю ноч запрагнылось братам побачить, хто оцэ усэ робыть. Прыдурылысь воны, шо лягають, а са-

МИТРОФАН ДИКАРЕВ (1854-1899), Екатеринодар

Салдат и мэртвякы

(Из «Чорноморськи народни казкы и анекдоты»)

У нас, у Павливський станыци, салдат е, росказуе, як вин ходэ хрыстосувать ця з мыртвякамы.

– Набыру, – каже, – багато пысанок у кышеню, та як ото дочитають ця до Хрыста, я й пиду на кладовыще, и пороскладаю ти крашанкы по могылках. Тоди говорю:

– Хрыстос воскрэс!

Колы впэрвэ скажу – воны мовчать, и вдругэ скажу – мовчать, а як в-трэте скажу:

– Хрыстос воскрэс!

так наче витэрэць подуе мымо тэбэ:

– Во истыну воскрэс!

Тоди вин знов пидэ до вутрыни. Як посвятять паскы, вин оддае паску жинци, шоб до дому однысла, а сам знов идэ на кладовыще: так, каже, вже ныма тых крашанок.

Вин ище росказуе, як псалтыр читав над мэртвяком. Ишов вин с службы, прыйшов у одну хатыну, попросыв ся ночувать, а там мыртвяк лыжить. Жинка попрохала його почитать псалтыр. Став вин читать, а жинка выйшла с хаты, пишла на хутир (ныдалэко був од цый хаты).

Читав вин, читав, колы зырк у гору, аж там коло сволока стылына зирвана. Вин зараз догадав ся, що це калдун (чи як их там называють). Вин до двырэй, хотив утикты, колы двэри з-надвору пидпэрти.

Шо тут робыть? Никуды вылизты! Вин подумав-быв кочиргою одбывать ця од мыртвяка, як устанэ; так од його кочиргою ны одобесь ся. Вин тоди сив коло порога, закурыв люльку, аж свиту божого ны выдно, а в руках псалтыр дыржить.

Колы дывыть ця: встае той мыртвяк та до його та як ухватэ його за полу – так и одшматував усю полу. А той салдат як опырище мыртвяка по голови псалтырэм, той мыртвяк зараз и простяг ся, и бильш уже ны вставав.

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО, ст. Каневская

Велосипед

У бабы Клавы, пенсионерки, не старой еще женщины, украли велосипед. Она оставила его у дверей магазина в райцентре, зашла буквально на две минуты купить хлеб, вышла и увидела, как на ее велосипеде удаляется какая-то женщина. У бабы Клавы подкосились ноги. Она без сил опустилась на порожки, выронив хлеб, протянула вслед воровке руку и крикнула: «Ку-да?». Крика не получилось – голос исчез. Все же она смогла собраться с силами, чтобы подняться. Стыдно было сидеть на мокрых грязных порожках, еще подумают: «Бомжиха какая-то». И когда поднялась, ее будто током ударила мысль: «Там же, на руле, в пакете пенсионное удостоверение и паспорт! Она ж ехала узнавать про

пенсию!». Мысль эта вернула ей силы, и она побежала следом, крича: «Воровка! Бесовестная!». Теперь ее было слышно. Даже хорошо слышно, отчего две проходившие по улице девицы оглянулись, и одна другой сказала:

– Крыша, что ль, поехала у бабки, распатлалась...

А она действительно на бегу потеряла платок, седой узел на затылке распался, и редкие волосы, которые она старалась чужим не показывать из-за того что редкие, растрепал холодный ветер.

До красивой иномарки добежала баба Клава и больше не смогла – сильно забухало сердце. Но она все же увидела, как воровка свернула на греблю, чтобы переехать речку в другую часть станицы. «Гребля и дорога туда одна, а если догнать на машине?». Эта вторая, казалось, счастливая мысль заставила ее обратиться к водителю иномарки, представительному мужику средних лет. Он слушал в салоне музыку и курил, опустив стекло.

– Дядечка! Помогите ради Христа! Давайте догоним женщину на гребле, она украли мой велосипед! – взмолилась баба Клава.

– Чего? – переспросил мужик, то ли поняв ее, то ли не поняв.

– Догоним женщину, дядечка, ради Христа..., – умоляюще повторила баба Клава.

– А оно мне надо? – выдал ей мужик, стрельнув окурком, – На это менты есть.

– Да где ж та милиция...

– В отделе, бабка. Там сидит, зад греет.

Слезы брызнули из глаз женщины. От безысходности, от бессилия. Ну можно ж догнать! Господи, что за люди пошли... Ноги у бабы Клавы опять ослабели, и она, шатаясь и хватаясь за штакетины забора, поплелась в милицию. Но мужику в иномарке все-таки высказала:

– Бездушный вы человек, дядечка. А Господь усэ баче.

Когда волновалась, баба Клава часто, сама того не замечая, переходила на балачку. Мужик только хмыкнул.

Дверь в райотдел была закрыта. За нею стоял сержант с автоматом, дежурный, и открывал ее заходящим и выходящим людям в форме и без формы, тоже, видимо, милиционерам. Баба Клава обратилась к одному такому, вышоченному, с большой звездой на погонах:

– Скажите, пожалуйста, до кого можно обратыця?

Офицер на ходу показал на автоматчика. Она постучалась в стеклянную дверь. Сержант ее уже заметил – трудно было не заметить расхристанную тетку, открыл дверь и спросил:

– Вам к кому?

– Ны знаю, сынок, лисапет у мэнэ вкралы.

Отут вдрух навпроты кобэлька опынылася старша из сэстэр, яка командувала всэй дрибнотою, покы дорослы по-своему одтягались. Юна особа обхопыла тварыну за шию и прыгорнула до сэбэ.

У Савы одбувся шлунковый спазм, та й вин здэржався.

– А ты його поцилуй, дочко, – розплывся посмихаючись Владыслав, який жартував. До нього явно вэртався гарный настроий.

– А от визьму и поцилую. Запросто! – тупнула нижкою пидростаюча красуня, и... од души цмокнула псыну прямо в мокрый нис. – Це тоби за тэ, шо тата вытягнув.

...Потим, пэрэмкнувши на собаку очи, начебто самэ вона була головным цвяхом програмы, уси пса тыскалы. Актывно, та й бэзглуздо пхалы ий пид нис жратву. Дитвора килька разив намагалася Саву осидлать. Потим, швыдше за всэ, позначилася пэрэнапруга й зайвый интэрэс з боку людэй – собаку почало похыгувать. Тварына килька разив лягала на зэмлю, клала голову на пэрэдни лапы.

– А собачка наша утомылася и баиньки хоче, – констатовала Эмма и писля того, як просушенный гумовый човэн упаковалы в багажник Сави зробылы гниздэчко пид найблыжчим кущем из заготовленого кымсь травостою. Так турботлыва дитвора собачку ще и плэдом накрыла, шоб та зигрилася.

...Колы юна дочка рыбалки – Владыслава цмокнула собаку, а точнише, якбы-собаку в нис, шось видбулося. Спочатку начебто элэктрычний заряд пройшовся по всьому тилу вампа на выгяди пса, потим у його голови вынык якийсь далэкий, подибный до комарыного, пыск. Дали зьявылося запаморочення, пэрэд очамы почало мыготыть усэ яскравише и яскравише. Бум! У мозку, або шо там було на його мисци, ударыло на сполох. Нэбо почало завалюватыся. Сава хотив сказать «гав», та й язык його вже нэ слухався. «Запрягайтэ, хлопцы, конэй...» – донэслосся, здавалосся, из глыбыны сторич...

...Колы вэсэла кампания, уже блыжче до вэчора, почала повэртатыся, до нэобыякого подыву всих – дэхто на час навить нэ змиг говорыть– пид плэдом, замисть собаки, мырно посапував добрый молодэц...зовсим голый. Колы його розштвхалы, вин був явно пэрэляканы и няк нэ миг пояснить, як вин отут опынывся. Высловлюватыся вин намагався на якимсь нэзвычайному, явно застарилому диалэкти и дуже турбувавсь своей наготы. Владыслав и Пэтро пэрэодяглы його в шось, шо было пид рукою, а блыжче до ночи одвэзлы хлопця, який трохы прыйшов до тямы.

...Всэ мае у свити пояснэння, якшо глыбоко пошукать. От як мэтэлык стае мэтэлыком? Спочатку одкладаються яйця, з яйца вылупыться гусэныця, яка потим плэтэ кокон и пэрэтворэеться в лялэчку. А вже з кокона, колы прыйдэ час, вылупыться мэтэлык. Цилых чотыры послидовных звина ланцюжка. Та й адже якшо е одын напрямую, то пры одповидных умовах можлыво напэвно, и зворотнэ? Як створыть таки умовы и потрибность створэння таких умов – це вже другэ пытання.

Та й стопудово видно, шо якшо хтось у сылу обставын поцилуе вампира щиро, од души, а ще краще сказать – од усього сэрця, то цым включить зворотный процес. Звычайно, такэ бувае нэчасто, зовсим навить нэчасто...

...Из Савою розбыралыся дэ трэба. З ным возылыся спэцыалисты. Докопатыся, звидкы вин и шо вин, так? втим, нэ вдалося: килка тэм минулого життя в нього одбыло гэть-чисто. А про шо памьятав – так, по дрибнычках – взагали сам начебто забув и дэржав языка за зубамы. Затэ хлопцем вин выявывся нэ тилькы сымпатычным, та й й надзвычайно тямущим, усэ схоплював одразу и через дэякий час став класным шохвэром, хлопчика пэрэймэнувалы на Мыколу – двома родынамы имья выбыралы. Вин з Пэтро и Владыславом Дмытрычим, якого новозпэчэный Микола кльче нэ просто абы як, а татом, любыть порыбалыть. А ще в нього и Ксюшы, дочкы Владыслава двое прэкрасных хлопчикив– погодок. Втим, це вже друга история.

(Перевод с русского литературного на балачку А. Руденко)

Який-нэбудь дурэнь скаже, шо можна було Сави, ничтоже сумняшесь (нитрохы нэ вагаючись), прорватись до тила, прокусить сонну артерию або ярэмну вэну – та й по всьому. Та й от хто в курси, ти знають, шо вампиры у води нэ кусають. Зараз же на-да було пидсобыть, помоч выбратыся на бэрэг, на всякий случай. До свого нэска-занного подыву, Сава навить одчув сэбэ почасты людыною – очеэвидно якись крохы совисти з його оболонки покы ще до кинця нэ улэтучилися. Та й скорише отут зро-ботав элемэнтарный прагматызм. Вин, зибрав вси свои сылы, кынувся до плаваючо-го тила, упывся в хлястык зубамы, виддэр його од поганого карабынчика и потягнув рыбалку до бэрэга.

– Ой, тато! – завэрэщала оката старша дочка и сунулася, було, у воду, та й нэй вы-пэрэдыв другый учаснык кампани, той, шо розважав дам. Соколом вин зиррався из прыбэрэжной смарагдовой травычкы и, нэ роздумуючи, в одэжи, кынувся до товары-ша, схопив того за комир и тэж потяг. На бэрэгу згуртовалыся и кудахтагы, так як куры, нэ зовсим розумиючи шо одбуваецься, жинкы и диты.

Усього лыше килька сэкунд знадобылося людям, шоб одчуты дно. Рыба на той час, саме собою, обирвала мотузку.

– Всэ, всэ, Пэтро. Стою, – фыркаючи и зплюываючи, казав рыбалка. – Цуцык, од-пусты мэнэ, – додав вин, звэртаючись до Савы, який продовжав тягнуть и грэсты.

– Як це ж, як тэбэ угораздыло пэрэвэрнутыся? – скороговоркою пробалакав умыть ставший твэрэзым Пэтро, пиддэржуючи товарыша, або хто там той йому доводывся, пид ликоть.

Черэз пивминуты вси вже скупчилися на писку у самого бэрэга. Одна з жинок збыра-лася зарэвить, друга охала. Пэтро криво посмихався, поглядаючи на скатэртыну-самобранку. Диты тупцювалы тэж отут.

– Ну добрэ, ничого страшного и нэ було, – уже спокойным тоном проговорыв рыбал-ка, шо взагали-то и було правдою.

Килькома сэкундамы ранише, уже на бэрэгу, чорный кобэзь розтыснув зубы, выпус-тив хлястык и видийшов трохы вбик.

«Добрэ, добрэ, Трошки попозаспокоятсья, попоутыхнуть, и – почнэм» – рэзонно по-думав вин и, обтрусывшись, обдав прысутним фонтаном брызив.

– Ой! – завэрэщали дамы.

– А цей собачка тэбэ, тато, тягнув, – попыщала дивчинка з бантыком, од балачкы з якой в ящиркы одвалывся хвист.

Вдрух вси пэрэмкнулыся на собаку.

– Звидкы вин отут узаявся? Я тилькы побачив, як шо-то чорнэ до воды сквозануло, – вытрищив ока Пэтро – Добрый хлопэц, – тыкнув вин пальцем у пса.

Хлопэц присив и засукав пэрэдними лапамы.

– Дядько Владык, а собачка нэ вкусыть? – пыскнув збоку хто-тэ из самых малэнькых.

– У ниякому рази, – одповив зи знанням дила дядько Владык.

Сава у выгяди собаки трохы було нэ розрэготався, обмэжившись жвавым вылян-ням хвоста.

– Цей пэсик добрый. Вин прыбиг тата выручать, – поясныв рыбалка – Владыслав.

У цей момэнт в одний з жинок, звидкы нэ видномо, выявився в руках махровый руш-нык и та скинулася було отырать лыце бидному рыбалки.

– Ой, нэ парся Эммочка, – простягнув той посмихаючись и рэготнув. – Собачка, гэть, замисть жинки, пэрвой кынулася рятувать...

Пэсик всим виддано заглядав в очи. Мабудь, Сава в роль увийшов стопудово. Псу тэж посмихалыся и смыкалы за холку. Той усэ ще нэ миг оддыхатсья и заковтував повитря ротом. Здаецься, з його языка впалы дви або тры крапэльки слыны.

– Давайте паспорт, я вас запишу и пропушу.

– Так и паспорт вкралы.

– Без паспорта впустить не имею права.

И дежурный закрыл дверь

– Божечки! Шо за люды, шо за милиция, шо ж мини робыть! – заплакала и запричита-ла баба Клава.

Но никто из проходящих на ее плач не обратил внимания. Немного успокоившись, она присела на скамью вблизи дверей, собрала в узел волосы и только теперь вспомни-ла, что покупала хлеб, но куда подевалась та булка, вспомнить не смогла. Какое-то время она посидела так, заглядывая просящее в глаза милиционерам и надеясь, что кто-нибудь ее заметит и поможет, но таких не находилось. Нужно было идти домой. Начинался дождь со снегом.

По дороге ей встречались знакомые, которые здоровались и смотрели странно – от-чего она в холод с непокрытой головой? Баба Клава машинально отвечала, едва их замечая. И только когда услышала голос кума, пришла в себя.

– Клавочка, ты шо ж, мое сэрдэнько, брыдэшь смурна, як та туча? Случилось чего?

– Случилось. Только ты, кум, ничем не поможешь.

И она опять, сбившись на балачку, рассказала про свою беду. Выслушав, кум попы-тался ее успокоить:

– Та цэ ны горе, сэрдэнько мое. Паспорт, може, ще пидкынуть, а ни – другой дадуть, пенсию и без того удостоверения носить, а лисапет, як хочишь, я тоби свий отдам. Ны горюй тилькы. И давай я тоби платок найду.

От велосипеда и платка она отказалась. Кум был человек добрый, сердечный, хоро-шие слова сказал, но легче бабе Клаве не стало. Она всплакнула и пошла дальше.

Домой добрела с трудом. И пока она шла, дождь перестал, а снег пошел гуще. Под ногами, где не было тротуара, мялась снеж–но-грязевая каша. Пальтишко на плечах бабы Клавы подмокло, стало зябко. Издали она увидела мужа, выгядывавшего ее у калитки, и подумала, что сейчас спросит, где она «шалалась».

– Дэ ж ты стилькы шалалась, старая? Я вже хотив в милицию подавать, – спросил муж.

– В милиции и була.

– Тю... А лисапет дэ?

– Вкралы лисапет! И паспорт, и пенсионнэ! Всэ вкралы, шо ще тоби казать?

Дед Иван вытаращил глаза.

– Ты спытай, хто вкрав, а нэ вылупляй очи.

– Хто? Пацан якийсь?

– Якбы ж. Женщина. Пид мою комплекцию. В спыну тилькы бачила, но ны молода.

– Тю... Свит пырывырнувся, показылысь люды...

– Ото ж. А ты – дэ шалалась...

В общем, дома баба Клава не успокоилась, а завелась, раздергала себя, и к вечеру деду Ивану пришлось вызывать сына, потому что баба Клава заявила: «Мабуть до утра ны доживу».

Сын примчался сразу и с испуганным лицом предстал перед матерью – отец по теле-фону ничего не объяснил. Баба Клава лежала на кровати бледная, в комнате пахло валерьянкой.

– Мама, ты что это надумала, с батьком, что ли, поругались? Давай вызову «Скорую».

Баба Клава глянула на сына сердито, даже зло, и ответила:

– Нычего мы ны ругалысь, и ны нада твоя «Скора».

Звякнула щеколда, и зашел в дом отец.

– Лисапет у нэй вкралы, с документамы. Ны замкнула, стара сорока, – прояснил отец.

– Велосипед? И помирать из-за него? Да я тебе завтра куплю новый, мама, ты чего? – сын чуть не «зашелся» от такой новости.

– Ну тилькы лисапет, а ще паспорт и пенсионнэ, – сказала баба Клава, глядя в потолок.

– Ну и что? Сейчас позвоню, кому надо, и выдадут тебе новый паспорт, а хочешь, даже заграничный! – сказал сын и улыбнулся, у него отлегло на сердце. Он был большим начальником и одним из лидеров местной правящей партии. Сын тут же позвонил.

– Ну вот, всего дела-то. Завтра сходишь в райотдел, – сын назвал кабинет и фамилию, – и там все сделают. А пенсионное – мелочи. Решу. Не переживай только.

– В милиции я вжэ була, – сказала баба Клава, будто не слыша сына.

– И что?

– Мэнэ туда ны пустылы биз паспорта.

– Так скажешь, что ты моя мать и идешь к такому-то, тебя пустят.

– А если б я ны була твоя маты, так мэнэ б опять оттуда наладылы? И шо цэ у вас за власть така, шо женщина у женщины крадэ лисапет? Ныща у ныщей?

– Время, мать, такое: нищий ворует у нищего, а богатый – и у богатого, и у нищего.

– А куда ж твоя партия дывыця? Чи тоже – дэ б у кого шо вкрасы? Мини цэй лисапет колхоз подарыв, як на пенсию йшла. Дорогий вин мини, сорок годив я в брыгади спыну гнула, тэбэ выростылы и вывчылы с батьком, и ны в кого за жисть я на понюшку табаку нычего ны вкрала! – баба Клава поднесла к лицу сына сжатые два пальца, будто держа в них ту самую понюшку, – За шо ж мэнэ обикралы?

– Что сделаешь, мам. Поменялась жизнь, поменялись люди. И кому-то понадобился твой старенький велосипед. Значит, той женщине живется хуже, чем тебе. Считай, что ты ее спонсировала. Но завтра я куплю тебе новый, тоже спонсирую тебя, – сказал, улыбнувшись, сын.

– Ны нужен мини твий лисапет, мини мий нужен, – сказала баба Клава и отвернулась к стене.

– Твой не найдут, и искать его не будут. Так что не убивайся, мам, ничего страшного не произошло. Будет у тебя велосипед.

– А вона, раззява, забудэ его замкнуть, – влез в разговор отец.

– Так на дви ж минуточкы оставыла! – простерла к иконе руки баба Клава и опять расплакалась.

Сын, поговорив еще с отцом, уехал домой. Дед Иван согрел чаю, предложил бабе Клаве, но она отказалась, сказав: «Сам пый, хоть залыйся своим чаем». Дед смолчал, напился и полез на свою кровать. Что-то побурчал и захрапел. А баба Клава опять накапала валерьянки, потом набухала еще раз, но сон не приходил. К полуночи усилился ветер, началась метель, и сухая акация у дома противно заскрипела, совсем как намазаная цепь ее велосипеда. Так и промаялась баба Клава без сна всю ночь.

Утром позвонил сын и сказал, что в десять часов ее ждут в милиции. Она собралась и пошла. Дед Иван поглядел ей вслед, и ему показалось, что пальто у его Клавы на плечах пообвисло, а спина ссутулилась, хотя вчера такое не замечалось.

– Ох-ох-ох, старэнка ты моя..., – произнес он, глотнув подступивший комок.

В милиции баба Клава назвалась матерью Николая Ивановича, ее провели, куда надо, и сделали все, что следует, даже предложили домой отвезти, но легче ей не стало, и злость на милицию не прошла. На душе было погано. Она зашла в тот самый несчастливый магазин, купила хлеб и побрела по снежку домой через пустой парк, берегом речки, за огородами – чтоб никого не видеть. И пока ее не было дома, привезли в упаковке велосипед. Дед Иван поставил его в летней кухне, и когда баба Клава пришла, сказал об этом, но она на спонсорскую помощь сына даже не посмотрела.

Двое або трое дытынчат возылыся в прыбэрэжному писку, зводылы шось тыпу замка або крипости. Нымы командувала вже майже доросла старша сэстра – указувала, дэ прорыть канал, стину наростыть, шапочки дитям поправляла.

Сава бильше зацикавыв другый чоловік, нэ той, який костровав. Другый, на одмину од коротэня-пэрвого, був добрэ скроеный, моторный и, бэзсумнивно, сыльный физычно – а це самэ смачнэ. Його тило, якому можна було дать лит сорок або лэдвэ бильше, почало чуть помитно обростать пэрвым жирком, шо, втим, зовсим нэ впадало в око. Пикантно. З його и почнэм!

Ясно, шо усих нэ зысть. Максимум трьох, може ще – когось из дитэй. Другых покушать, шоб продукт нэ пропав, а головнэ – языком шоб нэ трипалы.

Гоп! Од уважного погляду Савы, до його глыбокого розчарування, нэ выслызнуло, шо и отут доросли, крим, втим, хвыгурыстого, збираються напыватыся – у сэрэдыни розстэлэной на трави скатэртыны из усякими харчамы, була выставлэна бутылъ (сузля).

«Водка або горилка» – констатовала думка вампира або то, шо зараз прэдставляя аналог його колышних думок.

До його подыву и нэсподиваной радости, його пэрвэ блюдо од радо протягнэной чарки одказалосэ. А ще биля ричкы закрутылосэ якэсь дило. Харч дистав из мэтэлэвой карэты из чотырма пухкымы, чорнымы колисамы, шось, и писля короткых манипуляций, прямо як грыб у тэплу, дощову погоду, вырис човэн (дуб). Точно так само, як оком змыгнуть, майже шо низвидкы, выпручалыся з малэнькых тонкых чурочек довги, прями вудкы.

«Эгэ-ж, ловыть рыбу будэ» – рэзонно догадався Сава, удывляючыся у манипуляцыи його харчей, яки його цикавлять, чи нэ наполовину высунувшыся из дупла. У цей момент вин найбильше всего нагадував енота або шось такэ схоже, хоч еноты в округи зроду нэ водылыся.

Дитвора писля харчування попэрэминно из продовженням стройки ганялася за мэтэлыкамы и пид доглядом усэ той ж старшой сэстры радисно плэскалася на милководди, нэ заходячи, втим, далэко. Их же тато з надувным човном и снастями пройшов трохы ввэрх за тэчию, потим одпływ, и колы знову поривнявся зи своїмы, заяковывся, пэрэкынув швартовый на бэрэг и прыйнявся ловыть рыбу.

Сава стэжив.

И отут вдрух рыбалка ризко, надто ризко пидсик и колы вэлыка рыба стримко повэла убик, нэ удэржався, впав, шубовснүвся за борт и выявывся пид пэрэвэрнэным човном (дубом).

От, нэпрыемно. Та й, взагали-то, по правди сказать, ничего сэрйозного. Снасти пидвязани до човна, човэн прышвартованый, до бэрэга нэдалэко. А шо впав пид човэн – тэж дурныця, якшо худо-бидно плаваеш, трохы поднырни, одштовхныся од борта и чеши до бэрэга – усэ-то дило!

Тилькы цых моментив колышний казачура Савва Стеценко, а ныни ясно хто, нэ знав або подзапамьятовав, выходячи з важлывости моменту. Ще б: довгоочичуваному сниданку угрожуе нэбэзпэка!

Та й в цей момент сниданок дійсно сплеховав: вин якымось образом зумив зачепытыся хлястыком (темляком) витровкы за карабынчик човна, и застряг у води так як нэдбайлывэ каченятко. И ништо, зовсим ништо, ниякий собака на бэрэгу нэ почув це... За дамочкамы галантно доглядав коротэнь, пидсуваючи вси нови и нови порцыи пропэченого на угиллях мяска, нэ забуваючи и пидлывать. Дитвори вдалосэ пиймать вэлыку зэлэну ящирку, и кампания з вэрэском и гыканням носылася з той, довивши рэптылию до нэпрытомного стану.

Та й найшовся другый собака. Як оком змыгнуть, пэрэтворывшиися з енота у двирского кобэля, Сава, нэ роздумуючи, кынувся на помоч.

ных случаях имэнувалы дриадамы, а якшо ти ховалысь по лисовых ставках або болотах – русалкамы.

Життя, а точніше сказати, активна мэнопауза – слов – то таких лисовык Сава нэ знав, та й интуитивно почував, шо до чого – звычайно, попростише, ниж у людэй. Одноразова жрачка в п'ятдесят – сто лит, а пэрэд нэю – охота, активна охота. Часом, из тилиснымы пэрэвилэннямы – у одных вампирив на короткий час пэрэтворюватися з русалкы або, допустым, наяды в ижачка або там чэрэпашку дуже навить нэпогано выходить. Потим пообидалы – и глыбокый сон. Спокойного дня! Трэба, втим, пояснить, шо думка, начебто вампиры бодрствують тилькы вночи, вирна лыше почасты. Одны добрэ сэбэ почувають и вдэнь залэжно од индивидуальных особлывостэй и знов-таки, твого статусу. Бильшисть лисовыкив люблять тинь. Та й Сава миг валандатыся и удэнь, волюючи втим, всэ-таки затинэни, нэосвитлэни, тыхи мисця.

Звычайно, якшо вже зовсим чесно, то – нудота. Та й шо робить? И так зи столиття в столиття бэз усякой романтикы.

Плюсы, однак, тэж булы. Якшо поводытыся обэрэжно, з оглядкою, нэ вытыкатыся, а головнэ – головнэ! – знайти добрый схрон, тоди можна жить мм...мм...мм... выживати, ну, дуже довго. Ходыть слух, шо дэсь засив одын ще из часив, колы людэ у пэчерах сыдили. Так-то! Втим, таких случаив одыныци, а може, до тогож, и взагали брэхня. Та й в остаточному пидсумку однаково рано або пизно одловлять и – осыковый кил або щипка, хоч и случиться це може черэз п'ятсот лит або тышу.

У людэй тэж свои нэгатывы. От, наказного атамана, гусаком якого останний раз полудски поласував Сава в байраку, горци ухандокалы черэз тыждэнь, голову пид час бою знэслы, обибралы до ныткы и пропалы. Вэсэло? Нэ скажи... Або пожить багато, горилкы попыть, до баб пид спидныци пополазыть, митко палыть по ворогу, здобуваючи славу, та й швыдко згынуть. Або – спокойно, розмирэно, по-накатаной, иты по дороги здорового харчування и глыбокого сна. Сикось–накось, кому – як. Тут головнэ – повторю ще раз – якшо йдэш другою дорогою, добросовистно сховатыся, а це – проблэма. Кажный поважающий сэбэ вампик знае, шо ховатыся на кладовыщях – поганэ дило,

там шукають и знаходять. То ж самэ и до пидвалив, горыщ, сараив. Иты нада за город або сэло, у бэзлюднисть. Лис! Звычайно, зискочить од погони можна и у чисто полэ, та й адже це позорыще – копать соби логово в скифскому кургани. У лиси ж завсигда можна выбрать дэрэво з дуплом на выбир, особлыво якшо там живут осы, а ще лучче – шершни: ниякий дурэнь нэ сунэтыся.

Сава высунув з дупла морду и оглянувся.

Ранкова прохолода злэгка подсковала прокынувшегося писля довгой спячки Саву – це колы ты спыш, то холод тоби по мяякому мисцю, а сьогоднишний ранок був свижим. З боку ричкы доносылыся голосы.

– И шо ж це такэ? – з балачки це пэрэводилося як «И что это такое?».

А всэ було простише парэной рипы – розважакытыся. Дийсно, шо можна робить на бэрэгу рикы, як нэ ловыть рыбу або розважакытыся?

Их отут була цила купа. Двое дорослых людэй, пары досыть молодых, и по людских канонах явно прываблывых дам, та й купа дитворы. Одын из чоловікив возывся з багаттям, жинкы уткнулы лыця в кастрюли, потим стали нанызувать на шомполы шматкы мяса. В сторону Савы понэсло дымком. Швыдше за всэ, для людского нюху, крим вэгэтарянцев, смак був прыемный. Тилькы Сава його нэ почував, вампирив взагали-то цикавыть тилькы людска кров. Та й кров воны чують нэ носом, а по химичному складу.

ИВАН КАРАСЕВ, Краснодар

Видмедь

В одной станыци жил мужик. И любив вин прыбирацца ведмедем и полохаты станичников. Надине, було, ведмежу шукуру и засяде у крыници. Увэчэри йдут бабы за водою, а вин на них з кущив як зарычит. Ти – врассыпную, а мужику рыгот.

Особлыво любив мужик выходыты на дорогу и полохаты зайижджих подорожников. Так, заполохае йих до смэрти и вэсэлыця, у ладки бйэ.

Зализ якось мужик пид мист и став чекаты, хтось по нему пыйдэ. Ось бачит, йдэ по мосту чоловік з сывымы волоссямы и в усему черному. Кыданулся до него мужик и закрычав ведмедем. Але путнык анитрохы нэ заполохался, тилькы брова одна трохи прыдзвэлася.

– Тю, суций ведмедь, – казав вин, сумно посмихнувшись, – ведмедь ты и е. Казав и пишол соби прэч.

Здивувався мужик, хотив було надогнаты путныка, та завалився на карачки. Спробував скинуты з сэбэ ведмежу шукуру, але не тут-то було.

Побачив мужик свое видраження у тыхий ричцы та так и обмир. И понеслося понад лисом рычанья справжнего старого ведмедя.

АНДРЕЙ РУДЕНКО, пос. Красный лес, Краснодарский край

Стразы

Ой, полюбляють на Кубани жинкы стразы. Чаривнэ заворожлывэ слово «Сваровски» удодыть у ступор цилэ поколиння молодых дивчат. Конкистадоры показувалы индианцям блыскучи намыста и минялы их на лис и зэмлю. Двисти год тому за фальшиви диаманты рубалы головы, а тэпэр цэ крутый бизнэс. Куды тико их нэ чипляють. На тэлэфоны и планшеты, на волосья и нигти, на одяг и взуття, на сумкы, калькуляторы, на руль и на номэр, на ви и на зубы.

Ой, як же нэ выстачае на Кубани магазына страз. Гуляетэ по улыци Красной, а отут надпыс «Стразы» и выложеный надпыс тэж зи страз. Заходытэ, а там: продавщицы в стразах, на прылавках стразы гиркамы и продавщицы совочкамы насыпають кому и скикы яких трэба. И писня шоб звучала про стразы. А спивала писню шоб Верка Сердючка. Догадайтэся чому самэ вона або вин. Черэда стояла б як у мавзолэй до Ленинина, просты Господи. Толпы дивчат дэнь и нич выбыралы бы и прымирлялы, мацалы и купувалы бы стразы. Выходылы и заходылы по колу знову.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, Краснодар

Вин и Вын

(Знакомство с балачкой)

– Мыхаловна, та вин напився! То ж и влетив! У стовб, ага, влетив! Прямо оттуда!

– На мотоцикле на своем? Не убился-то хоть!

– Та ша пьяному зробыться! То Андрюшка йихав як чоловік, шиесят киломитров! И вбывся! Камазист проклятый!

Такой диалог между своей бабушкой и тетей Раей, ее соседкой, слышал я когда-то пятилетним. А так же много других разговоров. С ней и другими старушками и немолодыми тетками с улицы Демьяна Бедного.

В них всегда присутствовали существа из волшебного, героического мира. Звали их Вин и Вын. Они были не чета какому-нибудь обычному Андрюшке, которого на скорости шестьдесят километров убивал камазист. Они умели, например, влетать на мотоцикле внутрь столба. И что они там делали? Пожилые женщины многозначительно молчали. Потом им, конечно носили в больницу оладыкы, как простым смертным. Но игра стоила свеч! Тем более, что потом Вин или Вын «ловыли отакого сазанчука» или ехали «у Сыбырь за рублем».

Иногда в разговорах появлялась их сестрица, Вона. Но ее жизнь была не столь яркой. То «загуляв», то «когось привэдэ».

А бабушка вставляла в этот чудесный мир какие-то обыденные, но тоже чудесные подробности. «Заживет у Харлампа! Шкура молодая! Пидесят годов тока!». Так и представлялось, как немолодой уже, солидный грек Константин Харлампович после болезни или происшествия обрастает молодой шкурой. Пятнистой, как у гепарда Пипы из книг супругов Адамсон...

Сёнрю

з горыща
небо выдать
хмары у гости

гарба
у стенки тулытся
двадцать пэрвый вик

дид у колыткы
костыли обнимае
дэ вын?

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ, Краснодар

Вампачка

Ни для кого нэ сэкрэт, шо вампиры сами собою нэ народжуються, а нымы стають, пэрэтворюючись из нормальных людэй. Якшо в когось высмокталы кров або просто тэбэ вкусылы, навить лэґко, то практычно завсигда внэсэный аналог вирусу. Поздоровляем! Организм тэпэр пэрэробляється, пивторы-два тыжни, и ты наш. И зовсим, зовсим! – другый. Схожий мэтэлык на пэрвоначальну гусэныцю? Так отожд...

Цього разу Сава продрых замість покладэных у його случаю 80 годочкив, лит на двадцять бильше.

Бувае. Зымы булы на ридкисть холоднише одна другой, та й обывся вин того разу забагато. Трое рыбалок в унисон хропылы у багаття, у Куту, на кручи, пид плакучимы вэрбамаы, нэ звэртаючись нияк на конкурэнтыв– комарив, яки спробувалы кризь дым прорватыся до пьяных физиономий. Умьять вкупэ трьох! А шо, из продуктамы в будь-який час дэфицит. Поки вдало наравяся на пьяну трийку, довэлося помандрувать по всий округи пару тыжнив, аж брюхо почало зводыть. До цього ваще! – колы город, закладэный ныжче за тэчию, був бильшою мирою нэ камяный, а дэрэвьяный, из роботою вдалося подхарчытыся якоюсь старою казачкою, пробравшысь до той у выгяди пацюка. Смак у цией дуркы, яка выжила з розуму, був настилькы поганым, шо часом отрыжка прямо назад лизла. Та й «за неимением гербовой», як балакалы ще в часы людыны Савы Стецько, колы той з напивдысцыплинованою оравою, трясучи осэлэдцем, скоряв тутэшни тэж напивдыкы мисця. Потим вже, колы стрилянына з пицалей и шабэльного свысту тохы поурыхла, якось глыбоко за пивнич, Саву вкусылы за холку. Нэтопыр? Так нэ нэтопыр, а сами вже догадались хто. Можна, звычайно, було выявыть вправнисть и хутко одкынуть тварыну рукою, та й дило у тому, шо руки в Савы в той момэнт булы зайняты – вин ховав пид сорочкою гусака, якого стягнув у наказного атамана и затыскав птаху дзьоба. От з того и почалося...

Це все брэхня, колы грят, шо вампиры тилькы и роблять, шо йидять и йидять, кажной ночи йидять. От, подумайтэ сами, хиба можна бэзпэрэрвно жрать та жрать? От так, туды-сюды, и зхарчишь всю округу, а про тэбэ узнають! Будуть тэбэ шукать, и як нэ круты, майже стопудово знайдуть. Тому прырода розпорядылася экономно: натрискався – и одпочивай соби до упору! Нэвже, погано?

Сава йшов самэ цией едыно вирною, прямою дорогою. Кого вин схомячив упэрвэ, юный вампырчик памьятав, та й, погано – хвылювався попэрвой. Мабудь, це був замкнэный у сараи полонэный. Потим була бабка, а останний раз – пьяни рыбалкы. Послужный список тилькы одкрывався.

Ось то цей... Алкоголь... Це для людэй горилка – як нэктар для бджил або говно для мух. А от нормальному, сэредньостатыстычному вампиру така дрянь нэ то, шоб смэртэльно погана, та й явно нэпотрибна. Тэж од йи дуриеш, тилькы задоволення ниякого, та й опохмильный стан ранком дратуе, як и положено. Фу, гыдота.

Колышний казак Сава Стецько потягнувся у своему дупли. У роти, нэзважаючи на сотню лит, гыдко кыслыло рыбацькою самогонкою. Сава сплунув назовни в зоряне нэбо и почухався кошлатою лапою.

Його тило из самого початку пэрэробылося як до мисця, дэ доводылося ховатыся – лису. Взагали – то тэпэр цю тварюку було прыйнято называть нэ якось так нэзрозумыло вампиром, а бильш конкретно – лисовыком. Колышних дивок и бабив у подиб-

